

Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Москва: Издательство «Советская Энциклопедия», 1968.

Русский ассоциативный словарь, Том I, От стимула к реакции, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ Астрель, 2002.

Словарь синонимов. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1975.

Akunin, B. Pelagia i Czarny Mnich. – Wydawnictwo Noir sur Blanc, 2001.

Akunin, B. F.M. – Wydawnictwo „Świat Książki”, 2008.

Broniarek, W. Gdy Ci słowa zabraknie. 2017, <https://www.synonimy.pl/>

Kołaczyk / Пер. М. Dolińska. – М.: Wydawnictwo „Małyś”, 1982.

Palkiewicz, J. Syberia. Wyprawa na biegun zimna. – Wydawnictwo: Zysk i S-ka, 2007.

Polski słownik asoacyjny z suplementem, R. Gawarkiewicz, I. Pietrzyk, B. Rodziewicz. – Szczecin: PRINT GROUP Sp. z o.o., 2008.

Abstract. One of the methods of analysis applied in cultural linguistics consists in describing the connotative field of a given analyzed object. Comparing association fields allows one to determine differences between languages and cultures, as well as discovering causes of misunderstanding representatives of other languages and cultures. This paper constitutes a comparative analysis of the association fields of the word bear in Polish and in Russian, whose aim was to determine significant differences between them.

Keywords: cultural linguistics, connotative field, bear.

Папоян К.О.

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
reniteg@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются фольклорно-мифологические элементы, функционирующие в поэтической картине мира М.И. Цветаевой. Фольклорно-мифологическая лексика является значительным пластом в поэзии М.И. Цветаевой, включает в себе ряды различных живых образов и обращений автора к культурному наследию человечества, репрезентирует собственную идентификацию автора с этносом и позволяет в полной мере передать чувства, эмоции лирической героини.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, языковая картина мира, фольклор, миф, фольклоризм, мифоним, мифологема.

Несмотря на постоянный исследовательский интерес со стороны лингвистической научной мысли, поэтическое наследие М.И. Цветаевой продолжает оставаться во многом явлением слабоизученным. М.И. Цветаева оставила огромное, и пока еще в должной мере не оцененное, творческое наследие: «семнадцать поэм, сборники лирических стихов, восемь стихотворных драм, а также автобиографическую прозу, дневниковые записи и письма» (Алламуратова, 2017: 298).

Фольклорно-мифологическая лексика является значительным пластом в поэзии М.И. Цветаевой, который в силу специфики не только включает в себе ряды различных живых образов и обращений автора к культурному наследию человечества, репрезентирует собственную идентификацию автора с этносом, но и позволяет в полной мере передать чувства, настроение, эмоции лирической героини.

Прежде чем переходить к особенностям функционирования фольклорно-мифологической лексики в поэтических произведениях автора необходимо определиться с терминологией нашего исследования. В частности, фольклорная лексика сегодня уже не сводится только к лексическим единицам устного народного творчества, например таким, как народная песня или былина. Само понятие вбирает в себя структурирующие элементы всех форм и видов фольклора как единого комплекса невербальной и вербальной духовной культуры этноса или этносов (если речь идет о мировом фольклоре). Фольклор включает в себя пословицы и поговорки, загадки, диалектную речь, метафоры, сравнения, которые употребляются непосредственно в речи, молитвы и игры, рецепты блюд, прощальные и приветственные формулы, песни, стихи, сказки и др. Как справедливо полагает И.С. Климас, необходимо «разграничить понятия «лексика русского фольклора» и «фольклорная лексика». Под лексикой (словарным составом / словарем, лексическим фондом / лексиконом) русского фольклора мы понимаем всю совокупность лексических единиц, фиксируемых в произведениях устного народного творчества. В этом смысле словарный состав русского фольклора – часть общеязыкового фонда, выделяемая в связи со сферой и условиями использования. Фольклорная лексика – понятие более узкое; это те лексические единицы, которые не встречаются за границами фольклорных произведений и не используются «в коммуникативно-речевой функции, оставаясь лишь определенным средством художественно-языковой действительности» (Л.И. Ройзензон). Если рассматривать язык фольклора как своеобразную художественно-языковую систему в границах общенационального языка, то фольклорная лексика может считаться в своей сфере стилеобразующей, а за ее пределами переходит в разряд стилистически маркированной» (Климас, 2005: 5). Следовательно, фольклорная лексика – это все лексические элементы, так или иначе присутствующие фольклору.

Что касается мифологической лексики, то сегодня не существует единых терминов для определения лексических единиц, представляющих мифологическую картину мира. Например, О.А. Черепанова в своих работах говорит о «мифологемах», дефиниция которых сводится к словам, служащим обозначением мифологических понятий. Исследователь А.А. Юнаковская обозначает их как «мифологизмы», которые являют собой слова, обозначающие различные мифологические персонажи, и словосочетания, фиксирующие мифологические

действия, отражающие древнее мифологическое сознание и употребляемые в речи современных носителей языка. С.А. Кошарная использует термин «мифоним», трактуя его как именование вымышленного объекта и – одновременно – средством объективации мифоконцепта (Кошарная, 2002). Таким образом, под мифологической лексикой мы будем понимать те лексические единицы, которые представляют собой, во-первых, наименования персонажей, которые так или иначе связаны с мифологией; во-вторых, слова, семантическое наполнение которых можно соотнести с результатами мифического мышления в процессе структурирования мира.

Фольклорная и мифологическая лексика не представляют два изолированных друг от друга класса слов, отличаясь взаимопроникновением (равным образом, фольклорная и мифологическая картина мира неразрывно связаны как в диахронии, так и в синхронии), поэтому мы в нашей работе используем синкретичный термин «фольклорно-мифологическая лексика». Этот лексический пласт играет значимую роль в формировании художественной картины мира, что подтверждает анализ поэтических текстов М.И. Цветаевой. Заметим, что с 1916 года происходит трансформация поэтических произведений М.И. Цветаевой: если до этого момента все ее стихи были подчинены ее же тезису: *Я одна с моей большой любовью / К собственной моей душе* (Цветаева, 1994: 178), то есть до 1916 года она пишет только о себе, о своих чувствах, преломляя через призму собственного «я» жизненные события и мир в целом; позже М. Цветаева начинает уделять огромное внимание фольклору и мифологии, соответственно частота употребления фольклорно-мифологической лексики значительно возрастает. Известно, что фольклорные произведения строятся совсем по другим критериям, нежели литературное лирическое авторское произведение, имеют другую структуру, здесь нет строго обозначенного концепта «я», само авторство предельно размывается. Но именно фольклорно-мифологический опыт стал отдельным творческим опытом, в контексте которого М.И. Цветаева «не ограничивалась простой стилизацией», и «данный факт стал тем важным звеном авторского духовного роста, его самоидентификации, когда он расширяет пределы уже достигнутого и выходит на новый уровень своего мастерства» (Александров, 1989: 84).

Как отмечают исследователи, одно из самых жизнеутверждающих поэтических произведений М.И. Цветаевой – «Посадила яблоньку...». Поэтика всего стихотворения построена на аксиологическом базисе народных представлений о том, что необходимо сделать мужчине/человеку для того, чтобы считать свою жизнь осмысленной: посадить дерево, построить дом, дать продолжение роду – вырастить сына. Необходимо отметить, что в момент написания этого произведения сама поэтесса стала матерью, родив дочь. Поэтому эти три ключевых момента подлинности существования человека, выраженные

народом, автор раскрывает с женской автобиографичной позиции, которые выражаются в глагольной анафоре, следующих строф: *посадила яблоньку; приманила в горницу; породила доченьку* (Цветаева, 1994: 251). То есть, установка «Я одна с моей большой любовью / К собственной моей душе» никуда не исчезла, она всего лишь претерпела трансформацию – с позиций переосмысления бытия. То есть, М. Цветаева в большинстве произведений, даже с присутствием фольклорно-мифологических включений, продолжает писать о себе, используя метафоры, отображает свою жизнь, пусть и стилизованную под фольклорное произведение. В данном стихотворении, кроме общей стилизации, выраженной в использовании уменьшительно-ласкательной лексики, без которой немислимо русско-народное устное творчество: *доченька, оченьки, забавонька* и др., используются и метафоричные лексические единицы: *приманила горлицу*. Именно в образе горлицы сосредоточен глубинный символ мира, благой вести, любви, семейного счастья и других положительных концептов. В результате можно говорить о том, что глубокая образность произведения, сам его эмоциональный посыл, а также все образы связаны именно с фольклором и самобытной народной культурой, при этом автор не только не растворяется в ней или отдаляется от нее, но гармонично вплетает в неё свой голос, продолжая этнокультурную традицию. И происходит это не только потому, что автор создает стихотворение, похожее по ритму на народную песню, но благодаря подлинно цветаевскому стилю, в которой использование фольклорной лексики сочетается с глубокой цивилизационной образностью автора.

Приведем в качестве иллюстрации еще два стихотворения того же цикла: «К озеру вышла...» и «Отмыкала ларец железный...». В данных стихотворениях М.И. Цветаевой общий образ перстня, полученного от суженого (*млада-лебедя*), является элементом фольклорно-мифологической картины мира, где лебедь – не просто образ птицы, но олицетворение красоты, духовной чистоты, совершенства. Именно в таком прочтении лексема *лебедь* предстаёт как символ, соотносимый с фольклорной картиной мира. Для создания стилизации под народный эпос здесь также используется лексический повтор: ***С крупным жемчугом перстенек, / С крупным жемчугом*** (Цветаева, 1994: 250). *Перстень* здесь – символ, как и *ларец железный*. Если первый предстает как память о суженном (воспоминания о нем), то в *ларце железном* издревле хранили ценности. Его нутро было сокрыто от чужих людей, как и сокровенные чувства лирической героини.

Тематика данных произведений объединена общим смыслом – назначением и судьбой русской женщины. Ее духовный мир базируется на консервативных ценностях, чья судьба всегда связана с ролью хранительницы домашнего очага, с семьей и детьми, с суженым, а еще чаще – с несчастливой любовью. В соответствии с архаичной народной традицией, браки были договорными, родители дочерей ставили во главу угла материальную обеспеченность будущего жениха, возможность удачным

браком дочери устроить ее судьбу и свою. Именно отсюда и идут корни поговорки «*Стерпится – слюбится*». В результате судьба героинь народных лирических песен, баллад, других фольклорных произведений зачастую трагична, и смерть становится логичным итогом их горькой судьбы. В ряде фольклорных текстов героини, не в силах смириться с судьбой, порой выбирают путь самоубийства. Эта фольклорная традиция запечатлена в анализируемых текстах М. Цветаевой: закономерный итог юношеской трагической любви автор описывает в типично-русской традиции фатализма: *А надо мною – кричат сове, / А надо мною – шуметь траве...* (Цветаева, 1994: 250). Сова здесь, скорее всего, образ не мистический, не мифологический, а некая отсылка к народной песне «Черный ворон», трагически-фаталистические мотивы которой соотносятся и с цветаевскими строками.

Фольклорно-мифологическая лексика определяет специфику стихотворения «Але»: *Знай одно: что завтра будешь старой. /пей вино, правь тройкой, пой у Яра, / Синеокою цыганкой будь. / Знай одно: никто тебе не пара – / И бросайся каждому на грудь* (Цветаева, 1994: 355). Здесь поэтическая картина мира автора представлена следующими фольклоризмами: *тройка* – упряжка лошадей, которую в отличие от экипажей использовали во время праздничных, народных гуляний. Словосочетания *удалая тройка* репрезентирует образ, связанный, в первую очередь, с русским народным эпосом, и символизирует веселье, праздник. Например, тройки лошадей запрягали во время Масленичных гуляний. Лексема *цыганка* также символизирует свободу вплоть до разнузданного веселья, а словосочетание *петь у Яра* отсылает читателя к исторической (рубежа XIX–XX вв.) лингвокультуре «Яр»: «Яр» – название нескольких знаменитых ресторанов в Москве XIX – начала XX вв. Ресторан «Яр» пользовался популярностью у представителей богемы и был одним из центров цыганской музыки. Таким образом, используя вкрапления лексических элементов фольклора и культурной жизни народа, связанной с праздником, со свободой, удалью, поэтесса передает дух безграничного веселья, отражая в слове яркость красок жизни. Вместе с тем, используемая автором лексика репрезентирует характерную русскому человеку и самой поэтессе вольность, непокорность, свободолюбие, непокорность судьбе, что также является одной из культурных доминант русского человека.

Помимо собственно фольклорной лексики М.И. Цветаева активно использует и связанную с ней мифологическую, в большей части используемую в контексте магических ритуалов и обрядов, таких, как гадание, заговоры, обереги. Кроме этого, «Цветаева на протяжении всего творческого пути постоянно обращалась к образам античной мифологии, таких, как Орфей, Федра, Ипполит, Эвридика, Тезей и Адирана. Поэтесса постоянно не только обращалась к мифологии, но часто в своих произведениях использовала сами мифы, их трансформацию» (Хабарова, 2015: 99).

Наиболее ярким примером употребления М.И. Цветаевой фольклорно-мифологической лексики служит поэтический цикл «Гаданье», который увидел свет в 1917 году. Его название отражает связь с заговорами и гаданиями, христианскими и языческими ритуальными действиями, оно также соотносилось с духом эпохи, когда будущее России были неясным. Православная христианская религия осуждает гадание, соотнося его с колдовством, а потому в соответствии с традиционным русским так называемым «двоеверием» во время подобных ритуалов необходимо было снять с себя религиозные атрибуты (крест и т.п.). Данная народная практика также отражена в текстах М.И. Цветаевой: *Да сними – не забудь же – / Образочек с груди, ... Выходи ты под Троицу / Без Христа-без креста* (Цветаева, 1994: 350). В этом поэтическом цикле нашли отражение мифологические образы и магические предметы, такие, как *заговоренная вода, обручальные кольца, гадальные карты* и др. В данном цикле М.И. Цветаева описывает магический ритуал, который соотносится с мифом. Отметим, что религиозное сознание также проявляется в текстах поэтессы, что неслучайно: один из её дедов был сельским священником, а сама она отмечала в дневниковых записях, что, переезжая через реку – крестится: *Воды под мостом, / Дороги крестом...* (Цветаева, 1994: 350). В то же время здесь слышатся отголоски традиционного мифа, где мост – это всегда место, которое сопряжено с переходом, границей миров, с опасностью. Но в поэтическом контексте в подобных языковых единицах сосредоточены и актуализированы индивидуально-авторские представления о мире.

Таким образом, фольклорно-мифологическая лексика в поэзии М.И. Цветаевой выполняет прежде всего символическую функцию. При этом автор не просто «заимствует» традиционную фольклорно-мифологические элементы языковой картины мира народа, но и активно трансформирует их в соответствии со своими целями и задачами. В целом анализ фольклорно-мифологической лексики в лирике М.И. Цветаевой обнаруживает, что становление М.И. Цветаевой как поэта происходит через осознание себя как части огромного пласта русской культуры, уходящей своими корнями в глубину веков.

Литература

1. Абыякая, О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: автореферат диссертации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/mifologicheskaya-leksika-russkogo-yazyka-v-lingvokulturologicheskom-aspekte-i-printsipy-ee-1>
2. Александров, В.Ю. Фольклоризм Цветаевой: дис. канд. филолог. наук. – М., 1989. 183 с.
3. Алламуратова, А. Ж., Алламуратова, Г. Ж. Поэтика фольклора в лирике Марины Цветаевой // Молодой ученый. – 2017. – №8. С. 298-300.
4. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.com/b/246496/read>

5. Кошарная, С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. 287 с.

6. Марина Цветаева. Все стихи. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rupoem.ru/cvetaeva/all.aspx>

7. Филиппова Ю.Ф. Лексикографический подход в изучении фольклорной лексики этнических немцев. // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2011. – №1. С.196-201

8. Хабарова Я.И. Миф о Федре в стихотворении М. Цветаевой «Занавес». // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 3 (3). С. 99-107.

9. Цветаева М. Стихотворения: сб. соч.: в 7 т. Т. 1. – М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

Abstract. This article discusses the folklore and mythological elements functioning in the poetic picture of the world of Marina Tsvetaeva. Folklore-mythological vocabulary is a significant layer in the poetry of M. I. Tsvetaeva, encompasses a series of different live images and references of the author to the cultural heritage of mankind, represents own identification of the author with the ethnic group and allows you to fully convey the emotions of the lyrical heroine.

Keywords: the author's individual picture of the world, language picture of the world, folklore, myth, folklorism, metonym, mythologem.

Федюнина И.Э., Ляшенко И.В.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ
ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
innafedyunina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика дискурсивного функционирования русских и английских ФЕ с семантикой вымысла и лести как форм подачи ложной информации. Анализируются соотношение и взаимодействие рационального и эмоционального аспектов оценочной коннотации исследуемых ФЕ. Выявляются общие и культурно-специфические черты категоризации ложной информации носителями русского и английского языков.

Ключевые слова: фразеологизм, оценка, коннотация, контекстуальная сензитивность, прагматический эффект.

Фразеологические единицы (ФЕ) справедливо характеризуются как «самоорганизующаяся система взаимодействия семиотических средств языка и культуры» (Алефиренко, 2008: 28) и, соответственно, представляют большую ценность для изучения особенностей восприятия и интерпретации действительности носителями различных лингвокультур. Особенно ценную информацию могут дать ФЕ, объективирующие различные формы коммуникации и взаимоотношений, поскольку именно эти сферы характеризуются максимальной вовлечённостью оценочного фактора. По утверждению Н.А. Красавского, оценка